

АЛЕКСАНДР ГАВРИЛОВ

УЖАС ИЗ НЕБЫТИЯ

ГЛАВА II

Александр Гаврилов

Ужас из небытия: Глава II

«Автор»

2026

Гаврилов А. А.

Ужас из небытия: Глава II / А. А. Гаврилов — «Автор», 2026

Граница между реальностью и безумием становится всё тоньше. Главный герой балансирует на острие ножа, где каждый шаг может стать последним. Страх и тревога перед неизвестностью овладевают его разумом, превращая каждый день в испытание на прочность. В конце концов ему придется пройти через череду кровавых событий и столкнуться лицом к лицу с чистым и голодным злом.

© Гаврилов А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	13
Глава 5	14
Глава 6	15
Глава 7	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Гаврилов

Ужас из небытия: Глава II

Пролог

Вначале человек испытывает неконтролируемую тревогу, которая накатывает волнами, словно шторм, захлестывающий сознание. Эта тревога проникает в повседневную жизнь, лишая человека способности сосредоточиться даже на самых простых делах. Постепенно он перестает нормально питаться, теряет аппетит, начинает стремительно худеть. Затем наступают проблемы со сном: сначала это беспокойные ночи, а потом бессонница, которая как цепь держит человека в плену. За бессонницей неизбежно следует истощение нервной системы, когда даже самые незначительные раздражители начинают казаться невыносимыми. Тревога, словно ненасытная пиявка, высасывает жизненные силы, оставляя разум уязвимым и лишенным защиты, превращая каждую мелочь в источник страха и боли.

Тревога провоцирует наступление страха — самого неизлечимого и живучего недуга человечества, который проникает в сознание, словно тень, готовая поглотить разум. Страх нападает внезапно, захватывая человека в плен гаммой неприятных и порой кошмарных эмоций, таких как отчаяние, беспомощность, ужас перед неизвестным. Эти эмоции начинают овладевать разумом, подавляя способность рассуждать и принимать рациональные решения. Страх вечен и безупречен, словно идеальная выверенная игла, которая вонзается в рассудок, причиняя нестерпимую ментальную боль, парализующую волю. Страх провоцирует панику — состояние, при котором сердце начинает бешено колотиться, дыхание становится прерывистым, а тело покрывается холодным потом от осознания того, что вскоре может произойти нечто непоправимое и опасное. Паника усиливает чувство беспомощности, заставляя человека утратить контроль над ситуацией, погружаясь в хаос мыслей и эмоций. В конце концов она парализует, лишая способности действовать, оставляя человека наедине с разрушительным страхом, который угрожает уничтожить рассудок и лишить надежды на спасение.

Ужас не возникает на пустом месте — его порождает источник, скрытый в глубине мрака. Это может быть заброшенный дом, где стены хранят эхо давно ушедших голосов, или густой лес, где каждый шорох вызывает тревогу. Чаще всего ужас прячется, затаившись, пока человек не почувствует себя в безопасности, чтобы внезапно обрушиться на него, разрушая иллюзию спокойствия. Ужас — это кульминация, момент, когда привычный мир распадается на части, а человеческий разум отказывается принимать происходящее. Он подобен туману, медленно заполняющему пространство, скрывающему очертания, обволакивающему всё вокруг. Этот туман словно живое существо — оно нащёптывает на ухо, заставляет сердце колотиться, дыхание учащаться, а сознание — терять контроль.

Ужас всегда бдителен, он следит, выжидая момент, когда человек окажется наиболее уязвимым. Его появление может быть спровоцировано едва уловимым звуком за спиной, необъяснимым шумом или внезапным отключением света. Эти мелочи, на первый взгляд незначительные, вызывают мгновенную панику. Человек, застигнутый врасплох, начинает метаться, пытаясь найти спасение. Он хватается за любые доступные предметы — слабый свет фонаря, тяжелую дверь, которая не поддается. Иногда страх берет верх, и человек, поддавшись инстинкту самосохранения, бросается бежать, наткнувшись на преграды, спотыкаясь о корни деревьев или царапая руки о стены узкого прохода.

Однако бегство редко становится спасением. Ужас словно питается страхом, становясь сильнее с каждым шагом жертвы. Он преследует её, не давая передышки, как хищник, играющий с добычей. Это преследование продолжается до тех пор, пока жертва не окажется полностью истощённой, пока её разум не поддастся панике и отчаянию. И когда силы покидают её, а страх достигает своего апогея, всё заканчивается. Тишина вновь заполняет пространство, словно ничего не произошло. Единственное, что напоминает о случившемся, — это лёгкий

холод в воздухе, оставшийся после чего-то необъяснимого, чего-то, что невозможно забыть или понять.

Глава 1

Луна пряталась за тучами, и её бледный свет лишь изредка пробивался сквозь рваные края облаков, выхватывая из темноты отдельные фрагменты улицы — покосившийся фонарь, провисший провод, тёмную арку подъезда, из которой тянуло сыростью и чем-то ещё, горьким и затхлым. Холодный ветер сбивал с голых чёрных деревьев последнюю осеннюю листву — из тех же деревьев, что и в квартале, где стоял дом Кирилла. Дождь, начавшийся с мелкой мороси, постепенно густел.

Мужчина бежал, спотыкался о торчащие из асфальта куски бетона, вставал и снова мчался прочь, не оглядываясь: если он остановится хоть на миг, воздух вокруг станет слишком плотным, чтобы сделать следующий вдох. Он свернул в кривой грязный переулок и, опершись на влажную кирпичную стену, перевёл дыхание. Но даже этот короткий миг покоя оказался ложью: стена была холодной и шершавой, она будто отталкивала его, не желая принимать тяжесть его страха. Капли дождя стекали по кирпичам, смешиваясь с грязью и образуя тёмные потёки, похожие на старые засохшие раны. Он чувствовал, как за ним несётся нечто опасное — не просто преследователь, а сама неизбежность, принявшая форму чего-то когтистого и голодного. Ему не следовало вторгаться в тот дом, наплевав на все предупреждения, на шёпот местных, на странные знаки на косяке, на запах тления, который ударил в нос сразу, стоило переступить порог. Теперь его участь была предрешена, и это знание висело в воздухе, тяжёлое и острое как лезвие.

Ветер продолжал наводить хаос: вместе с листьями он нёс целлофановые пакеты, стаканчики и обрывки газет, мусор кружился в вихрях и падал в лужи, где тут же размокал. Мужчина снова бросился бежать, ботинки скользили по мокрой брусчатке, и каждый шаг отдавался в груди глухим ударом. Он смотрел по сторонам, пытаясь найти выход из тесного переулка, провонявшего мочой и экскрементами, и этот запах мешал думать, заставляя панику расти. Он начал кричать о помощи, надрывая горло, потому что тишина была страшнее любого чудовища — она означала, что никто не придёт. Город спал, укрывшись пеленой дождя, и его крики, жалкие, почти по-детски, оставались одинокими в этой пустоте.

Впереди был тупик: голая покосившаяся кирпичная стена, потемневшая от сырости и времени. До неё добежал мужчина и в приступе паники попытался вскарабкаться, цепляясь за малейшие выступы, за трещины, за всё, что могло удержать его вес хотя бы на секунду. Всё было бесполезно. Он кричал всё громче, впиваясь тонкими пальцами в стену и сбивая ногти в кровь. Они отслаивались от пальцев и вместе с нервными окончаниями в виде мясных нитей оставались на стене, как жуткие маленькие флажки, отмечающие его поражение. Другие ногти падали в мутную лужу, которая уже доходила ему до щиколоток, — холодная и тяжёлая, она тянула вниз, обещая утянуть за собой в темноту, если он хоть на секунду ослабит хватку.

Мужчина слышал скрежет по брусчатке — будто у того, кто ступал по ней, на ногах были когти, длинные и острые, способные прорезать не только камень, но и саму реальность. Звук приближался, ритмичный и неумолимый. И вместе с ним нарастал дождь: капли уже не падали — хлестали, вода в луже поднималась, захватывая щиколотки, захватывая голени. Каждый шаг преследователя отдавался в ушах мужчины, заглушая даже шум дождя, и с каждым мгновением этот звук становился всё ближе, всё реальнее. Мужчина закричал, и крик превратился в истерический плач, а после — в смех, резкий и неестественный, похожий на карканье раненой птицы. Рассудок уже сдавался, и мир сузился до туннеля: стены, дождь, скрежет — ничего больше. Адреналин гнал кровь по венам с такой силой, что мужчина едва успевал вздохнуть полной грудью, а каждый вдох обжигал лёгкие, как раскалённый воздух.

Металлический вой, пронзительный и режущий, разорвал тишину, заставив даже дождь на мгновение замереть. Крик мужчины слился с этим звуком, превратившись в единый, невы-

носимый вопль, в котором смешались боль, страх и горькое осознание собственной беспомощности. Затем раздался звук рвущейся одежды, хрустящий и неприятный. А следом — звук рвущейся плоти, влажный и тяжёлый: он слился с криком агонии, который оборвался так резко, будто кто-то выключил его, как свет в пустой комнате. Минута — и единственным звуком остались капли дождя, колотившиеся по мокрой крыше, отбивая равнодушный ритм. Ливень к этому моменту набрал полную силу, и по переулку в бурлящем потоке холодной дождевой воды струилась тёплая кровь: она смешивалась с водой, окрашивала её в розоватый цвет и уносилась прочь, как последнее свидетельство того, что здесь кто-то был, кто-то жил, кто-то надеялся на спасение. Но теперь даже это исчезало, растворяясь в ливне, будто его и не было вовсе.

Глава 2

Кирилл проснулся, выныривая из вязкой тьмы, которая цеплялась за сознание и не хотела отпускать. Он с трудом сел на край старой, слегка скрипящей кровати — этот привычный звук сейчас казался особенно громким, словно дом нарочно подчёркивал: ночь закончилась, а день не собирается быть добрым. Проведя рукой по бледному лицу, он пытался стряхнуть остатки кошмара, как налипшую паутину, но тревога не уходила — оседала где-то под рёбрами холодной тяжестью.

И снова он видел коридор. Длинный, с влажными стенами, по которым лезли трещины — как если бы внутри стен жили что-то и пробивалось наружу. В конце коридора не было выхода, только дверь без ручки, и он знал — не понимал, а именно знал, — что как только он дотронется до неё, дверь откроется сама. За дверью пахло тлением. Запах въедался в одежду и не выветривался неделями. Он проснулся раньше, чем дверь открылась, — но был уверен, что дверь никуда не делась. Она просто ждала до следующей ночи.

Осень забирала у города краски: выцветали даже самые яркие вывески, кирпичные фасады становились однообразно серыми, словно кто-то смыл с них всю индивидуальность. Кириллу казалось, что заодно осень вытягивает и его силы, капля за каплей. За окном капли дождя неторопливо стекали по стеклу, рисуя случайные узоры. На мгновение ему показалось, что линии складываются в какие-то знаки — но он одёрнул себя: просто игра уставшего разума, цепляющегося за любые образы, лишь бы не оставаться наедине с тишиной.

Чтобы отвлечься, он направился на кухню, двигаясь размеренно: каждое резкое движение могло спугнуть ту хрупкую опору, которую он пытался нащупать внутри себя. Половицы отзывались протяжным скрипом — единственным звуком, который принадлежал только ему и этому дому. Квартира была скромной, без лишних деталей: не за что было зацепиться взглядом, нечему будить тревожные мысли. Скромность здесь притворялась уютом.

Из холодильника он достал яйца — пять штук. Столько он всегда брал: привычный, почти ритуальный жест, который помогал чувствовать, что хоть что-то в его жизни остаётся неизменным. Наблюдая, как белки на горячей сковороде застывают, превращаясь из прозрачных в матовые, он заварил порошок кофе. Тот же вкус горчинки без намёка на аромат свежих зёрен — и то же чувство: если всё остальное рушится, этот привкус остаётся. Кружка отдала прохладный металлический холод; он обхватил её ладонями, пытаясь согреть пальцы и унять внутреннюю дрожь.

К полудню кошмары почти растворились, уступив мыслям о магазине, почте, ужине. Облегчение было временным, и он это знал — знал глубоко, там, где не работали никакие самообманы. Поэтому, когда потребовалось купить хлеб, он собрался без надежды на хороший исход.

Улица встретила его, как всегда, лавиной. Достаточно было пройти в метре от прохожего, чтобы ощутить весь спектр его переживаний — от мимолётной радости до затаённой тревоги, которую человек прятал даже от самого себя. Кирилл был, по его собственному определению, приёмником: улавливал чужие эмоции с пугающей точностью и не мог выключиться. Толпа обрушивалась на него вихрем чувств, сплетаясь в единый оглушающий поток, и тело реагировало на чужое, как на собственное: пульс стучал в висках, ладони становились липкими от пота.

Сегодня первым в зоне досягаемости оказалась женщина с тележкой у входа в магазин. Он не посмотрел на неё — и сразу уловил: не раздражение и не усталость, которые шли бы по поверхности, а страх. Плотный, давний, со вкусом чего-то невыполненного. Она перекладывала сумки из рук в руки, глядя мимо него на парковку, — и от её страха у Кирилла свело скулу. Он ускорил шаг, но страх догнал его и прошёл через него насквозь, как холодная волна, оставив внутри чужое «не успеть, не успеть, не успеть», в котором не было ни единого его

слова. Через полчаса, уже в квартире, он всё ещё не мог понять, боится ли он сам или это чужое боится в нём. Чужое всегда уходило последним.

Особенно тяжело доставались пьяные прохожие: от них веяло агрессией, словно они были проводниками тёмной энергии, ищущей себе жертву. Эти встречи оставляли осадок в районе солнечного сплетения, который не проходил часами и усиливал желание больше не выходить из квартиры. Но выходить приходилось: жизнь была далека от благополучной, и Кирилл давно смирился с этим. Деньги он получал от пособия — сердце и сосуды были слишком слабыми, чтобы позволить работать, и эта физическая слабость переплеталась с эмоциональной уязвимостью, делая его восприимчивым ко всему сразу.

Совсем недавно хулиганы напали на него в тёмном переулке: избили до полусмерти, сломали нос, затоптали ногами, забрали кошелёк и телефон. После того случая страх и недоверие к людям только усилились — теперь каждый раз, выходя на улицу, он невольно касался носа, проверяя, всё ли на месте, и прислушивался к звукам, пытаясь уловить признаки опасности задолго до того, как она станет реальной.

Последний этаж старого пятиэтажного дома был его крепостью. Ветер гудел в щелях оконных рам, шаги соседей доносились приглушённо, будто из другого мира. Из приоткрытой форточки тянуло прелой листвой и дождём — густым запахом, в котором смешались сырость и едва уловимая горечь увядания. Кирилл закрывал окна, чтобы звуки улицы и чужие эмоции не проникали внутрь: тонкий барьер между ним и переполненным переживаниями миром. Барьер держался. Но к вечеру квартира наполнялась своей тишиной — такой густой, что она начинала давить на уши, и он ловил себя на том, что прислушивается к каждому скрипу дома, словно тот пытается что-то сказать. Словно в коридоре за стеной кто-то ждёт у двери без ручки.

Глава 3

На следующий день Кирилл зашёл в ванную и включил свет. Тусклый желтоватый луч выхватил из полумрака влажные стены и запотевшее зеркало, будто пытаясь пробиться сквозь плотный слой сырости, осевший на кафеле. Капли воды медленно стекали по плитке, оставляя тонкие извилистые дорожки, и казалось, что комната дышит тяжёлым, влажным дыханием, не желая выпускать никого наружу. Он провёл ладонью по стеклу, чтобы лучше разглядеть себя, и на секунду задержал руку: холод пробирал до костей, впиваясь в кожу мелкими ледяными иголочками.

Его лицо и руки были бледными — так, будто кровь давно ушла из них, оставив только холодную оболочку. Густые чёрные волосы спутанными прядями падали на лоб, цепляясь за ресницы и мешая видеть, а впалые глаза с тёмными кругами смотрели с глубокой усталостью — такой, которая не проходит после сна, не смывается водой и не прячется за натянутой улыбкой. Нос, сломанный хулиганами и так и не сросшийся до конца, снова был замечен: свежие следы ушибов лежали поверх старых. Разбитая губа выглядела воспалённой, натянутой и болезненно чувствительной; он боялся даже слегка коснуться её — любое прикосновение оборачивалось вспышкой боли, которая на мгновение затмевала всё остальное.

Кирилл провёл рукой по волосам, пытаясь привести их в порядок, но быстро опустил её, осознав бессмысленность жеста. Свитер висел на нём, как мешок, подчёркивая болезненную худобу: ткань, когда-то плотная и тёплая, теперь свободно обвисала. Он вздохнул — негромко, почти беззвучно, — и в этом вздохе уместилось всё привычное отвращение к собственному отражению.

Вчерашняя сигарета до сих пор отдавалась в груди колючим кашлем, который накатывал волнами, заставляя на секунду задерживать дыхание. Но он давно перестал бороться с привычкой: она стала такой же частью рутины, как горький кофе, оставляющий на языке привкус усталости, и бесконечные серые дни, сливавшиеся в одну длинную полосу, где трудно было отличить утро от вечера, а надежду от привычки просто двигаться дальше.

Больше его тревожило другое — как не утонуть в чужих эмоциях. Иногда среди этого хаоса пробивались ледяные вспышки мрачных мыслей: словно кто-то рядом вдруг решал, что дальше идти нет смысла, и эта мысль, чужая и холодная, на мгновение становилась его собственной, проникая под кожу и заставляя пальцы сжиматься в кулаки. В такие моменты Кирилл заставлял себя смотреть на мелочи: на тонкую трещину в плитке, тянувшуюся, как линия старого шрама, на дрожащее отражение лампы в мокром кафеле, где свет дробился на сотни мелких бликов, на едва заметное движение тени, скользившей по стене. Эти крошечные детали помогали удержаться на поверхности и не дать чужим чувствам утянуть его на дно.

Он снова посмотрел на своё отражение — но теперь уже не пытался разглядеть в нём прежнего себя. Теперь он искал в этом бледном лице хоть какую-то опору. И не находил: только усталость, только следы ударов и времени, только свитер, висящий, как знамя капитуляции. Он отвернулся от зеркала — и тень, до этого прятаясь по стене, скользнула следом. Ровно туда, где за кафелем была стена соседской квартиры, а за ней — коридор, которого не было на этом этаже.

Глава 4

Больше всего Кирилл ненавидел соседей. Их крики, ссоры, брань и пронзительные вопли создавали хаос, который невозможно было игнорировать. Иногда казалось, что за стеной разворачивается целая драма, достойная театральной сцены. Но Кириллу от этого не становилось легче. Ночные звуки стали его вечным кошмаром. Каждую ночь он ворочался в кровати, тщетно пытаясь найти покой, но сон ускользал как мираж. Нередко он просыпался посреди ночи, будто от толчка, когда за стеной начиналась очередная потасовка.

Дом был построен много десятилетий назад, и его изношенные стены уже не могли защитить от вторжения шума. В них появились мелкие трещины, через которые звуки проникали в квартиру, словно специально стремясь нарушить его покой. Каждый звук был как удар по нервам. Звон разбитой посуды. Тяжёлые шаги. Глухие удары. А затем — голоса, всё более агрессивные. Иногда он даже различал отдельные слова, наполненные яростью. Казалось, эти звуки заполняют не только квартиру, но и всю его жизнь.

Он пытался отвлечься. Включал музыку. Надевал наушники. Но даже это не всегда спасало. Раздражение росло с каждым днём. Почему именно ему выпало жить в таком месте? Соседи, казалось, даже не замечали, что доставляют неудобства. Однажды он постучал к ним в три часа ночи, надеясь, что хоть сейчас они поймут. Дверь не открыли. Из-за неё донёсся только резкий смех и звук отодвигаемого стула. И всё продолжилось.

Кирилл мечтал перебраться в старую часть города, где ютились одноэтажные дома, окружённые небольшими садами. Там не было бы соседей за стеной, от которых доносятся крики или звук телевизора. Он представлял, как сможет там расслабиться и как следует выспаться, несмотря на ночные кошмары. Магазины были совсем рядом, а мерный шум трамваев, как ему казалось, мог бы даже успокаивать. Он был уверен, что быстро привык бы к этому звуку — он напоминал ему о детстве, когда он жил рядом с трамвайной линией. В тех местах он смог бы снова почувствовать себя в безопасности.

Глава 5

Кирилл пил кофе у окна. Горячая чашка согревала ладони, а напиток слегка горчил — как сама его жизнь. За стеклом прохожие спешили на работу, и каждый из них, казалось, был частью огромного механизма, где время играло ключевую роль. Кирилл тяжело вздохнул и отвёл взгляд. Если бы не его проклятый дар, он тоже мог бы стать винтиком этой системы: устроиться на обычную работу, пусть не самую престижную, лишь бы быть нужным — а не проводить дни в одиночестве, запертым в четырёх стенах. Но судьба распорядилась иначе. Осень принесла прохладу, и квартира на верхнем этаже перестала превращаться в раскалённую ловушку. Кирилл с благодарностью смотрел на серое небо, обещающее дождь, и наслаждался свежим воздухом из приоткрытой форточки. Лето было настоящим испытанием: в жаркие дни на подоконнике можно было жарить мясо, как на сковородке.

Поставив чашку на стол, Кирилл включил старенький телевизор, который стоял на холодильнике, едва удерживаясь на краю. Экран мигнул несколько раз, прежде чем загорелся тусклым светом. Кирилл сел на скрипучий деревянный стул, закурил и расслабленно выдохнул дым. Диктор с тревожным лицом начал сообщать новость: в небольшой деревне на востоке страны, окружённой лесами и холмами, были найдены тела мужчин, женщин, стариков и детей. Репортёр показывал разрушенные дома, пустые улицы и растерянных жителей. Виновными предположительно называли группу убийц — или, по слухам, цыган, недавно проходивших через те места, — хотя никаких доказательств не приводилось. Кирилл нахмурился и почесал затылок. Он продолжал курить, ловя каждое слово. Это напоминало ему случай многолетней давности на юге страны — там в колодце за околицей поселения нашли пятерых. Власти тогда списали всё на массовое помешательство среди местных. Что-то в сегодняшней истории было знакомым, словно он уже слышал это раньше, но воспоминания ускользали, как дым от его сигареты.

Подобные случаи начали происходить в стране с пугающей частотой. Кирилл не мог избавиться от мысли, что однажды это случится и в его небольшом городке. Он представлял, как улицы, наполненные детским смехом, могут превратиться в хаос и страх, как безумцы заполонят город, устраивая кровавые побоища день за днём. Защитить себя и близких в одиночку будет крайне сложно — и эта мысль не отпускала его. Он стряхнул пепел и с удивлением обнаружил в пепельнице второй окурочок: когда успел выкурить ещё одну — не помнил. Кофе давно остыл. Допив его одним глотком, Кирилл потянулся за телефоном.

Глава 6

В своих снах Кирилл часто видел кошмары, но они были скорее отзвуками вселенной, чем продуктом его собственного подсознания: образы, наполненные хаосом и странными символами, не имевшими отношения к его жизни. Настоящей особенностью Кирилла была эмпатия — не чувствительность, а настройка на частоту, недоступную остальным. И сегодня она вспыхнула так ярко, что он замер с чашкой в руке: кофе плеснул через край и обжёг пальцы, а он даже не заметил. В воздухе что-то изменилось. Не запах — запаха не было, и это было хуже. Комната словно провалилась на полтона: свет стал чуть глуше, тишина — чуть плотнее. Он медленно огляделся. Часы на стене показывали одно и то же время, что и десять минут назад. А ведь он видел, как стрелка двигалась. Кирилл сглотнул. Где-то открылась невидимая дверь, и через неё в их реальность проникло нечто, чего здесь быть не должно. Оно не было человеком — но и не было лишено человеческого. Он не мог увидеть его, не мог понять, где оно, но чувствовал исходящие от него злость и гнев — так чувствуешь рядом стоящего в темноте. Реальность натянулась, как струна, готовая лопнуть.

Кирилл понимал: эта сущность появилась не сегодня. Она уже давно наблюдала и действовала — возможно, это она оставила после себя ту деревню. В новостях говорили, что нападавших было несколько десятков: следы, как на кровавой бойне. Но он знал, что следам верить нельзя — такие сущности умеют их создавать. Это чувство было знакомым, и оно потянуло его назад, в девятнадцать лет.

Аудитория на старом физфаковском корпусе, конец пары. Он тогда поднял руку за конспектом, одолженным у одногруппника, и вдруг услышал — не ушами, где-то за затылком — как девочка с задней скамьи просит: «Отдай, это моё». Голос был на две интонации выше её собственного, и она в этот момент молчала, глядя в тетрадь. Он обернулся. Она не смотрела на него. Она не открывала рта. Конспект дрожал в его руке. Через неделю она ушла из общежития и не вернулась, а он впервые понял, что слышит то, чего не произносят.

Кирилл стряхнул пепел. Тогда, в студенческие годы, он тоже сначала принял это за воображение — и не раз потом убеждался, что чутьё может ошибаться. Но ошибалось оно в мелочах, в бытовом. Это — не мелочь. Он допил остывший кофе одним глотком и записал на клочке бумаги дату, когда нашли деревню. Рука дрожала заметно сильнее, чем он думал.

Глава 7

Оплатив покупки, Кирилл вышел на улицу. Половина первого. Город стоял тихий — тот особый час, когда даже трамвайные рельсы в доках спят. Из двора напротив доносился далёкий, отрывистый лай собаки, расходившийся эхом по пустым окнам, и больше — ничего. Кирилл поправил куртку и зашагал к дому, держась в тени. Пакет оттягивал руку: хлеб, молоко, две банки тушёнки. Всё, что долго хранится. Лучше быть готовым. Он не любил, когда мысли звучали вот так, директивами, но с того вечера, когда часы на стене встали, такие мысли приходили всё чаще — и он перестал с ними спорить. Магазин за углом остался позади вместе со своим запахом — пылью и чем-то сладковатым, как будто его годами не проветривали. Кирилл вспомнил, как брал с полки тушёнку: рука потянулась машинально, сама, — и он поймал себя на том, что выбирает консервы, как будто готовится не к зиме. К упаковщику у кассы он не обратился, а кассирша, старуха в вязаной кофте, пробивала товар, не глядя на экран, и это тоже почему-то показалось правильным: мир уже неделю жил вполсилы, и люди подстраивались, сами не замечая.

Дома во дворе спали. Голые деревья стояли вдоль тротуара, и под ними темнел ковёр из опавших сухих листьев. Кирилл шёл быстро, но бесшумно, стараясь не хлюпать слякотью — листья, смешанные с грязью, липли к ботинкам, и ему казалось, что звук его шагов слышен дальше, чем он сам. Несколько раз он оглядывался. Пусто. Но теперь пустота не успокаивала: после деревни из новостей, после остановившихся часов он знал, что пустота бывает просто паузой. Где-то наверху, в тёмном окне третьего этажа, слабо качнулась занавеска — от сквозняка, сказал он себе. Просто сквозняк.

Он уже заносил ключ к подъездной двери, когда сверху, из проёма лестницы, донеслись шаги. Тяжёлые, размеренные, с расстановкой — так ходит человек, у которого смена длинная и спешить некуда. Кирилл узнал их раньше, чем увидел человека, и рука с ключом замерла на полпути. Сосед спускался на ночную смену. Как всегда, в офицерской куртке, хотя был октябрь. Как всегда, молча. Штаны на нём пахли машинным маслом и табаком, а под этими запахами шёл третий — стерильный, больничный, которому в куртке сторожа склада было брать неоткуда. Кирилл никогда не спрашивал, откуда. Он не спрашивал у соседа ничего вообще: за четыре года — ни одного разговора дольше трёх слов. Они поравнялись на площадке, на расстоянии вытянутой руки. И воздух стал вязким. Не холодным, не душным — именно вязким, как будто Кирилл дышал не воздухом, а чем-то густым, чему не положено быть в лестничной клетке старого дома. Знакомый накат ударил в затылок, сжал череп изнутри, и на секунду в глазах потемнело так, что перила качнулись.

— Чего застыл? — сказал сосед, не останавливаясь.

Три обычных слова. Голос ровный, почти скучающий. Но Кирилл услышал под ними то самое, за затылком — то, что слышал всего несколько раз в жизни: ровное, спокойное «знаю, что ты слышишь». Он не успел ответить — в носу лопнуло, и тёплая струйка потекла по верхней губе, на водолазку, на белый пакет. Сосед уже спускался дальше, спиной к нему, расстёгнутый ворот куртки серел в свете тусклой лампочки. Он не обернулся. Дверь подъезда за ним закрылась тихо, без щелчка, — будто её прикрыла чья-то ладонь. Кирилл стоял на площадке, зажав ноздрю пальцами, и смотрел, как на белом пакете расплзаются красные пятна. Давление, сказал он себе. Холод. Слякоть. Что угодно, только не это. Но тело знало лучше: накат был не его — он шёл из соседа, из-под офицерской куртки, из-под трёх слов, и стерильный больничный запах, возможно, был последним, что в этом человеке оставалось человеческого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.